

**К ВОПРОСУ ПО ИСТОРИОГРАФИИ ГРЮНВАЛЬДСКОЙ БИТВЫ 1410 Г.
В НАЧАЛЕ XX В.**

**On the question of the historiography of the battle of Grunwald
in 1410 at the beginning of the 20th century**

Т. С. Совастюк, студент
Белорусский государственный университет
(Минск, пр. Независимости 4)

Аннотация

В статье рассматривается историография Грюнвальдской битвы 1410 г. в начале XX века в Польше, Литве, Беларуси, Украине, России, Латвии и Германии. Анализируются малоизвестные научные и публицистические работы, их подходы к интерпретации события, а также влияние политического контекста, идеологии и состояния научной среды на формирование исторических нарративов. Показано, как битва использовалась для укрепления коллективной памяти и национальной идентичности в условиях социальных и политических перемен.

Ключевые слова: Грюнвальдская битва, историография, начало XX века, национальные нарративы, идеологическое влияние, коллективная память, история науки.

Summary

The article examines the historiography of the Battle of Grunwald (1410) in the early 20th century in Poland, Lithuania, Belarus, Ukraine, Russia, Latvia, and Germany. It analyzes little-known scholarly and journalistic works, their approaches to interpreting the event, and the influence of political context, ideology, and the state of the academic environment on the formation of historical narratives. The study shows how the battle was used to reinforce collective memory and national identity amid social and political transformations.

Keywords: Battle of Grunwald, historiography, early 20th century, national narratives, ideological influence, collective memory, history of science.

Введение. Грюнвальдская битва 1410 года – один из ключевых моментов средневековой истории Центральной и Восточной Европы, событие, которое стало символом сопротивления агрессии, триумфа над тевтонской экспансией и вехой в развитии государственности народов, участвовавших в сражении. Уже в средневековье это событие получило широкое отражение в хроникальной традиции, а в Новое и Новейшее время стало объектом пристального внимания исследователей, публицистов и политиков. Особенное значение Грюнвальдская битва приобрела в национальных историографиях Польши, Литвы, Беларуси, Украины, России, Латвии и Германии, где она нередко воспринималась не только как исторический факт, но и как инструмент формирования коллективной памяти и национальной идентичности.

Первая половина XX века ознаменовалась масштабными политическими и социальными потрясениями: Первая мировая война, распад империй, революции и становление новых государств, Вторая мировая война – всё это оказало непосредственное влияние на развитие историографий рассматриваемых стран. Грюнвальдская битва в этот период трактуется не только в научной, но и в политической и идеологической плоскости. В условиях формирования наци-

ональных исторических нарративов и усиления государственного контроля над наукой (в особенности в Польше и Германии) трактовка сражения приобретала подчёркнуто идеологизированный характер. С другой стороны, в некоторых научных центрах сохранялось стремление к объективному анализу источников, к развитию критической методологии и сравнительного подхода.

Историография Грюнвальдской битвы первой половины XX века чрезвычайно многообразна. В Польше, где битва традиционно рассматривается как одна из величайших побед в национальной истории, она заняла особое место. В Литве формируется свой, «литовский» взгляд на роль Великого княжества Литовского в сражении, что особенно усиливается в условиях межвоенной независимости. В Беларуси и Украине, находившихся в составе СССР и Польши, анализ битвы развивался в рамках различных идеологических и академических контекстов, при этом в советской историографии доминировал классовый подход и подчёркивался союз славянских и литовских народов в борьбе против агрессора. В России, особенно в эмигрантской и дореволюционной научной традиции, Грюнвальд рассматривался как часть истории восточноевропейского средневековья, а в условиях сталинской исторической политики приобрёл новое звучание, подчинённое целям «единого исторического процесса».

Особый интерес представляет немецкая историография, в которой на протяжении десятилетий происходила переоценка роли Тевтонского ордена. От апологетических трактовок начала века до более критических исследований межвоенного периода – германская научная мысль проходила сложную эволюцию под влиянием как внешнеполитических амбиций, так и внутренней политической борьбы.

Начало XX века. Грюнвальдская битва 1410 г. и ее отражение в польской историографии рассматриваются в многочисленных трудах начала XX века, в которых прослеживается комплексный подход к анализу как военных, так и политических аспектов события. В работе Александра Чолковского (1902) подчеркивается, что польско-литовская армия насчитывала около 26 000 воинов, тогда как силы Тевтонского ордена составляли порядка 18 000 человек, без учета вспомогательного персонала в лагере. Несмотря на численное превосходство, качество вооружения и конской сбруи было значительно выше у орденских рыцарей, в то время как литовские войска характеризовались слабым оснащением и использованием самодельной амуниции. Автор также сравнивает условия войны в XIV веке с политической ситуацией своего времени (начало XX века), отмечая, что в его эпоху поляки оказались в изоляции и могли рассчитывать лишь на свой дух и единство [1].

Иная перспектива представлена в работе Юзефа Вержиньского (1911), который трактует Грюнвальдскую битву как событие, знание о котором должно стать достоянием каждой нации. Автор акцентирует внимание на тяжелых потерях Тевтонского ордена – около 18 000 погибших, что рассматривается как божественный суд за их экспансионистскую политику. В то же время, Вержиньский подчеркивает разлад в польско-литовском союзе, вызванный болезнью Витовта, что он интерпретирует как страх великого князя перед Москвой. По мнению автора, битва стала началом упадка Тевтонского государства [2].

Глубокий анализ проблем источников и хронологии битвы содержится в монографии Целиховского (1911), который сосредотачивается на критическом изучении хроники Яна Длугоша. Его работа представляет собой сочетание исторического анализа и публикации оригинальных текстов на латинском и польском языках, что способствует более точному пониманию периодизации и событийности сражения [3].

Марьян Гойский (1908) акцентирует внимание на политико-экономической мощи Тевтонского ордена, называя великого магистра «банкиром Европы». Автор описывает государство

ордена как находящееся на пороге внутреннего кризиса из-за финансовых проблем и недовольства населения, что усиливало социальное напряжение. В то же время победу в битве приписывает Витовту, подчеркивая его роль как главнокомандующего союзных войск. Гойский приводит данные о значительных потерях ордена – 40 000 убитых и 50 000 пленных – и утверждает, что эта победа укрепила Польшу как ведущую державу Европы XVI–XVII веков, создав базис для ее политического и религиозного влияния [4].

В свою очередь, С. Домбровский (1910) рассматривает конфликт в контексте польско-литовско-крестоносных взаимоотношений, подчеркивая экономическую и политическую динамику Тевтонского ордена и нестабильность Литвы, зависящей от поддержки Польши. Автор выделяет особую роль русских полков в войске Великого княжества Литовского, считая их более боеспособными, чем литовские части. Важность Грюнвальдской битвы связывается с будущей Люблинской унией и перспективой объединения польских, литовских и русских земель [5].

Мечислав Афманьский (1903) рассматривает союз Польши и Литвы как добровольный и обоснованный общими интересами. Он обращает внимание на слухи и недоверие между Ягайло и Витовтом, которые повлияли на отвод литовских войск в поздний период войны. Война представляется как проявление тактического гения командиров, при этом Афманьский подчеркивает необходимость уважения к обеим сторонам конфликта, отмечая храбрость и рвение рыцарей Тевтонского ордена. В итоге победа трактуется как результат мужества и единства польско-литовских сил [6].

Теодор Корзон (1910) подробно описывает подготовку к битве и дипломатические переговоры в Бресте, делая сравнение польской мобилизации с прусской мобилизацией 1870 года, при этом выделяет роль Ягайло как основного организатора и вдохновителя мобилизации. Он рассматривает битву как ключевое событие, приведшее к Городельской унии и созданию польско-литовского государства, одновременно критикуя недостаточное признание заслуг Ягайло и Витовта в исторической памяти [7].

В более позднем труде Александра Чолковского (1910) подчеркивается международная поддержка Тевтонского ордена, в частности со стороны Англии, Германии и Испании. В то же время подчеркивается единство польского народа в борьбе против немецких рыцарей. Автор отмечает активное участие Ягайло в мобилизации войск и личное участие в обеспечении армии, а также детально описывает многонациональный состав польско-литовской армии, включавший татар и жамойтов. В этой работе победа представлена как национальный триумф, символ нового этапа в истории Польши и Литвы, что подтверждает ее значение не только военного, но и культурно-политического характера [8].

Погодин А. Л. в своей работе «Очерк истории Польши» (1908) приводит оценку сил сторон в Грюнвальдской битве около 100 000 воинов, объединяющих польские и немецкие войска. Значительное место уделяется цитатам из произведений Г. Сенкевича. Автор подчеркивает жестокость и бешенство обеих сторон конфликта. По его мнению, войска Великого княжества Литовского играли вспомогательную роль, и после поражения смогли вернуться в бой, что способствовало окончательной победе. Погодин отмечает, что из-за того, что Ягайло дал время Тевтонскому ордену восстановиться, битва не имела решающих результатов с военной точки зрения, однако обладала большой ценностью в нравственном плане. Главным итогом он считает моральное объединение Польши и Литвы, которое впоследствии закрепилось Городельской унией 1413 года и стало началом государственного объединения. Также в работе указано, что после этих событий русская культура в Литве начала терять свои позиции [9].

Военная энциклопедия (том VIII, 1912) оценивает численность сторон как 60 000 у Тевтонского ордена и около 100 000 у Польши и ее союзников. В битве выделяются основные группы – немцы, поляки, литовцы и татары. Великий князь Литовский Витовт представлен как руководитель всех армий. По оценкам энциклопедии, потери составили от 22 000 до 28 000 человек с обеих сторон [10].

В немецкой историографии К. Лохмайер в работе «Geschichte von Ost- und Westpreussen» (1908) называет битву необычной для Средневековья. Он пишет, что после долгих лет противостояния Ягайло и Витовт решили полностью объединиться ради победы над рыцарями-крестоносцами. При этом автор считает невозможным выделить одного главного руководителя с обеих сторон. Лохмайер существенно снижает численность участвующих войск – всего от 9 000 до 10 000 с обеих сторон и потери в 4 000-5 000 человек [11].

М. Элер в работе «Der Krieg zwischen dem Deutschen Orden und Polen-Littauen 1409-1411» (1910) отмечает, что ход битвы, перемещение войск и стратегия не были типичными для средневековья, несмотря на соответствующий состав армии. Он утверждает, что кампания была прекрасно спланирована и отвечала требованиям новизны и эффективности. Главной целью Ягайло было уничтожение религиозного государства Тевтонского ордена. Полного выполнения этой задачи не достигли, но был сделан важный первый шаг – разбита армия Ордена. Автор приводит цитаты из исторических документов, что повышает качество исследования [12].

К. Кролльманн в книге «Die Schlacht bei Tannenberg: ihre Ursachen und ihre Folgen» (1910), изданной к 500-летию битвы, рассматривает проблему вокруг Ноймарка как одну из причин объединения Ягайло и Витовта и двух империй – Польши и Литвы – против Тевтонского ордена. По мнению автора, Ягайло одержал победу скорее случайно. Он также пишет, что польский король освободил из плена лишь наиболее значимых, например герцогов, а остальных отпустил. Кролльманн сравнивает Грюнвальдскую битву для Польши с битвой при Вальштате для монголов [13].

П. Фишер-Грауденц в работе «Bei Tannenberg 1410 und 1914» (1915), написанной во время Первой мировой войны, ставит цель поддержать боевой дух и продемонстрировать богатый немецкий военный опыт. Он подчеркивает, что Тевтонский орден был процветающим государством с развитой экономикой и политикой, но борьба со славянами остановила его развитие. Битва отражает дух рыцарства, немецкую доблесть и важность для немецкого народа. Основная часть книги посвящена битве при Танненберге 1410 года [14].

В белорусской литературе В. Ю. Ластовский в «Краткой истории Беларуси» (1910/1993) кратко упоминает Грюнвальдскую битву. Он отмечает, что под конец своей жизни Витовт реализовал все свои желания, среди которых было полное разрушение Тевтонского ордена [15].

Украинский историк М. С. Грушевский в «Истории Украины-Руси» (том 4, 1907) видит ключевым действующим лицом битвы и всей войны великого князя Витовта. Его действия, включая временный отход от поддержки Польши, трактуются как стремление сохранить баланс во внешней политике и не дать Ягайло слишком сильно укрепиться. Благодаря победе ВКЛ заняло сильные позиции, утраченные после поражения на реке Ворскле [16].

Заключение. Историография Грюнвальдской битвы в начале XX века отражает широкий спектр научных и публицистических подходов, в которых военное событие превращалось в инструмент осмысления национальной истории и коллективной памяти. Польские, литовские, белорусские, украинские и немецкие исследователи по-разному акцентировали внимание на численности войск, роли отдельных командующих и союзников, а также на политических и культурных последствиях победы. При этом общим стало стремление увязать события

1410 года с актуальными проблемами современности — национальным возрождением, политической мобилизацией, государственным строительством. Тем самым Грюнвальдская битва предстает не только важным объектом военной истории, но и значимым элементом идеологического и историографического дискурса начала XX века.

Библиографический список

1. *Czołowski A.* Grunwald 15 lipca 1410 r.: z dwoma planami. Lwow: Dziennika Polskiego, 1902. 39 с.
2. *Wierzyński J.* Wspomnienia wielkich dni: 1410-1910. Warszawa: M. Arct, 1911. 35 с.
3. *Celichowski Z.* Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruciferis anno Christi 1410. Poznań, 1911. Nakladem biblioteki 1911 kornickiej, 1911. 60 с.
4. *Goyski M.* Znaczenie dziejowe bitwy pod Grunwaldem. Kraków: Koło VI. TSL, 1908. 28 с.
5. *Dąbrowski S.* Bój grunwaldzki: 1410-1910. Warszawa: Drukarnia artystyczna kaz. kopytowskiego i s-ki, 1910. 130 с.
6. *Offmański M.* Grunwald: monografia historyczna. Warszawa: Wydawnictwo M. Arcta, 1903. 120 с.
7. *Korzon T.* Grunwald: ustęp z dziejów wojennych Polski. Warszawa: Wydawnictwo M. Arcta, 1910. 44 с.
8. *Czołowski A.* Grunwald: 15 lipca 1410. Lwów: 1910. 42 с.
9. *Погодин А. Л.* Очерк истории Польши. М.: Типография К. Л. Меншова, 1908. 139 с.
10. Военная энциклопедия. Том VIII. Гимры – Двигатели судовые. СПб.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1912. 518-520 с.
11. *Lohmeyer K.* Geschichte von Ost- und Westpreussen. I. Band. Bis 1411. 3-е изд. Gotha: F. A. Perthes - VIII, 1908. 380 с.
12. *Oehler M.* Der Krieg zwischen dem Deutschen Orden und Polen-Littauen 1409-1411. Elbing: Wernich, 1910. 112 с.
13. *Krollmann C.* Die Schlacht bei Tannenberg : ihre Ursachen und ihre Folgen. Königsberg Pr.: Deutschherren-Verlag, 1910. 32 с.
14. *Fischer-Graudenz P.* Bei Tannenberg 1414 und 1410. Lissa i. P.: Oskar Eulitz Verlag, 1915. 118 с.
15. *Ластоўскі В. Ю.* Кароткая гісторыя Беларусі. Вільня: Друкарня Марціна Кухты, 1910. — Рэпрынт. — Мінск: Універсітэцкае, 1993. 126 с.
16. *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 4. Київ-Львів, 1907. 538 с.